

DOI: 10.12731/2218-7405-2013-1-35

УДК 81.031. 4

ПОЭТОНИМЫ КАК ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТЕКСТОВОМ ПОЛЕ НИКОЛАЯ АЛЕШКОВА

Салимова Д.А., Павлова В.Г.

Основной целью статьи является описание прецедентных имен как интертекстуальных элементов в стихотворениях Николая Алешкова. Актуальность темы исследования заключается в том, что работа позволяет получить более полную картину духовно-нравственных реалий конца 20-го начала 21-го веков и объективную информацию об их отражении в культурно-художественном поле нашего времени. Новизна темы мотивируется как введением в научный оборот нового языкового материала, так и новым подходом к изучению идиостиля поэтов. Использование интертекстуальных приемов представляется особенно значимым на фоне многообразия художественных техник автора, поскольку оно дает возможность не только отследить взаимосвязи в литературном самовыражении, но и открывает перед исследователями подлинную сферу жизни языка. Н.Алешков – известный ныне татарстанский поэт, тексты которого в лингвистическом плане никогда не исследовались. В стихах челнинского поэта Н.Алешкова много общеизвестных антропонимов, которые становятся текстообразующими элементами в поэтическом мире автора. Материалы, изложенные в статье, можно использовать в вузах при изучении на филологических факультетах курсов «Ономастика», «Филологический анализ художественного текста», спецкурса «Региональная лингвистика». Полезны будут также материалы и для школьного преподавания, особенно при изучении предметов национально-регионального цикла.

Ключевые слова: антропонимы, идиостиль, поэтонимы, поэтическая ономастика, прецедентные имена, текст.

POYTONYMS AS THE INTERTEXTUAL ELEMENTS IN THE TEXT FIELD OF NIKOLAY ALESHKOV

Salimova D.A., Pavlova V.G.

The main aim of the given article is the description of case names as textual elements in Nikolay Aleshkov's poems. The actuality of the theme of the research is that the given work allows to receive fuller impression of spiritually-moral realities of the end of 20th- 21st centuries and the objective information of their reflection in a cultural-art field of our time. The novelty of the theme is based upon introduction of new language material into scientific turn, and the new approach to studying poets' style. The use of textual turns is especially represented against variety of art and technician of the author, as it gives the chance not only to trace interrelations in literary self-expression, but also opens the original sphere of life of language before researchers. N. Aleshkov is the Tatarstan poet, known nowadays, whose texts in the linguistic plan have never been investigated. There are a lot of well-known antroponims which become textual elements in the poetic world of the author in the verses of Chelninsky's poet N. Aleshkov. The materials stated in article are possible to use in high school in studying at philological faculties for courses "Onomastic", «the Philological analysis of the art text» and a special course «Regional linguistics». The materials will be useful in secondary school teaching also, especially in studying of subjects of a national-regional cycle.

Keywords: anthroponomy, idiostyle, poetonyms, poetic onomastics, precedent names, text.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью экспансивного углубления знаний о языке на современном этапе развития научных представлений за счет малоизученных текстов, еще точнее, за счет текстов не изученных ранее, но представляющих большой научный интерес, авторов. Эта работа позволяет получить более полную картину духовно-нравственных реалий конца 20-го-начала 21-го веков и объективную информацию об их отражении в культурно-художественном поле нашего времени. Использование интертекстуальных приемов представляется особенно значимым на фоне многообразия художественных техник автора, поскольку оно дает возможность не только отследить взаимосвязи в литературном самовыражении, но и открывает перед исследователями подлинную сферу жизни языка.

Объектом изучения являются около 100 интертекстуальных антропонимических единиц, таких, как имена великих людей, мифологические, библейские и фольклорные имена, выявленных в результате сплошной направленной выборки из сборников «Свет небесный» и «С любовью и нежностью» («Сын Петра и Мариши») известного татарстанского поэта Николая Алешкова. В 2005 году Н.Алешков стал шестым литератором республики и первым челнинцем, удостоенным премии имени Гавриила Державина за книгу стихов «Сын Петра и Мариши». В 2009 году распоряжением губернатора Ленинградской области поэту была присуждена премия имени Александра Прокофьева «Ладога» в области поэзии за сборник стихов «Свет небесный». В настоящее время Н.П. Алешков возглавляет Татарстанское объединение российских писателей, занимается издательской деятельностью, является главным редактором литературного альманаха «Аргамак – Татарстан».

Предметом нашего исследования является один конкретный аспект ономастического творчества Н.П.Алешкова, которое до настоящего времени лингвистами не исследовалось, – это прецедентные имена и особенности их использования в мире поэтического слова нашего поэта-земляка. Цель статьи

заключается в выявлении индивидуальных особенностей ономастического пространства поэзии Н.П.Алешкова, в частности, использования поэтом прецедентных имен как поэтонимов. Мы сознательно используем в данной статье чаще выражение «интертекстуальные имена», а не просто «имена прецедентные», так для пера анализируемого нами автора такие имена действительно становятся своеобразными звеньями интертекстуальных цепочек.

Термин «интертекстуальность», впервые введенный в 1967-м году теоретиком постструктурализма, французской исследовательницей Юлией Кристевой, до сих пор остается дискуссионным и используется в нескольких значениях. Идея «диалога между текстами» в первоначальном варианте принадлежала М.М. Бахтину. Интертекстуальность реализуется как в научных, так и в художественных текстах. В нашей работе мы, вслед за Ю. Кристевой, будем придерживаться трактовки, которая представляет текст как переплетение текстов и кодов, а также трансформацию других текстов. Проблема интертекстуальности в современной науке основывается на понимании процесса литературного развития как постоянного взаимодействия текстов, в результате которого каждое новое произведение определённым образом усваивает и перерабатывает предшествующий литературный и культурный материал в тех или иных формах, а задачей интертекстуального анализа является нахождение этих следов «чужого слова» в произведении с выявлением их функционального значения. Интертекстуальные элементы особо значимы в поэтическом тексте. Анна Ахматова, говоря о сути поэзии, конечно прежде всего XX в., когда-то обронила такие строки: «Но, может быть, поэзия сама Одна великолепная цитата».

Цитация, вспомним, основная форма интертекстов в различных видах коммуникации. Выделяются также пересказ в форме косвенной речи фрагментов из текстов других авторов и фоновые ссылки на теорию или идеи, высказанные ранее. В анализируемом нами корпусе стихотворных текстов чаще

встречаются второй и третий типы интертекстуальных имен. В текстовом поле челнинского поэта корпус известных всем имен широк и богат; многоплановость и разноуровневый характер таких прецедентных имен является свидетельством в первую очередь включенности поэта из провинции в общемировое культурное пространство.

1. Исторические имена. В исследуемом нами сборнике стихотворений встретились 2 имени ученых: **Даль, Вернадский.**

В стихотворении «На родине» [1, с. 52] Даль употребляется в следующем контексте:

*Припомнить всё, что потерялось в далях,
где, от семьи отрезанный ломоть,
пытался я, в словарь уткнувшись Даля,
свою тоску в стихи перемолоть.*

Данный куплет является доказательством того, что поэт Алешков умело играет с именем «Даль» и в ритмически-интонационном, и в отсылочном смыслах. Создавая идеальную рифму «в далях – Даля», основанную практически на омонимии, Николай Алешков ностальгически размышляет о судьбе великого русского языка, многие конструкции которого так и остались лишь в словаре Владимира Даля. Так, отсылая нас, читателей, к кладезю русского слова, к известному словарю, челнинский поэт и сам осознает утерю многих ценностей в языке и свою определенную роль во всем этом.

В конструкции «Словарь Даля» антропоним в родительном падеже указывает на конкретный предмет (словарь).

Четверостишие

*- Ах, Вернадский! Это мой кумир! –
и упёрлась в небо взором жадным.
-Ах, мадам! Не лезьте в тонкий мир,
а не то он станет плотоядным. [1, с. 250]*

представляет собой эпизод, взятый из реальной жизни.

Некто она (Маша или Даша и т.п.) восхищается Вернадским, известным учёным – естествоиспытателем, разработавшим целостное учение о биосфере, организующей земную оболочку. Антропоним *Вернадский* употреблён в собственно номинативной функции и характеризует поведение героини в конкретной ситуации, выполняет «функцию выражения, или экспрессивную функцию, когда выражается состояние говорящего, а выражающие его знаки являются симптомами (...ай, ох, ах)».

В стихотворении «За бегущей звездой» [1, с. 187] эпиграфом являются слова французского лётчика и писателя *Антуана де Сент-Экзюпери*. Антропоним *Антуан* в тексте стихотворения встречается дважды.

*Сквозь пордевший туман
звёзды над морем роятся.
Ты всё летишь, Антуан,
звёзды тебя не боятся.*

Обращение *Антуан* теряет коммуникативную функцию и приобретает риторический характер. Военный лётчик *Антуан де Сент-Экзюпери* сражался с нацистами в Испании и во Франции. В 1944 году не вернулся из разведывательского полёта, в который отправился с аэродрома на острове Сардиния («Словно звезда среди звёзд твой самолёт заблудился»).

В стихотворении *Антуан де Сент-Экзюпери* как будто созерцает землю, которая представляется ему родиной людей – прочным, надёжным местом в космосе.

*Волны сквозь редкий туман
катятся с вестью хорошей,
что не погиб Антуан,
встретились Грин и Волошин.*

Гимн узам братства, объединяющим людей, любовь к жизни, чувство ответственности за будущее планеты, гордость за беспредельные возможности человека, поэтизация подвига во имя высокой цели – эти грани разносторонней

прозы *Сент-Экзюпери* созвучны Алешкову. Имя собственное известного лётчика-писателя в стихотворении точно локализует текст в пространстве и времени.

Реальный существующий мир находит своё отражение в антропонимах *Грин* и *Волошин* («Встретились Грин и Волошин»). Коктебельный дом русского поэта *М.Волошина* (1877-1932) близ Феодосии был своеобразным культурным центром, пристанищем и местом отдыха писательской элиты. В разное время там побывали В.Брюсов, А.Белый, М.Горький, А.Толстой, Н.Гумилёв, М.Цветаева, О.Мандельштам, Г.Иванов, М.Булгаков и многие другие писатели, художники, артисты, учёные. *Грин* (Александр Гринёвский, 1880-1832) в 1930 переехал в город Старый Крым. В конце апреля 1931 года, будучи серьёзно больным, Грин ходил в Коктебель в гости к Волошину («встретились Грин и Волошин»). Этот маршрут до сих пор известен и популярен среди туристов как «тропа Грина».

Антропоним *Грин* в стихотворении «Я просыпаюсь не слишком рано...» [1, с. 84] является назывным предложением:

Молодость. Ветер. Грин.

Мчались куда-то крылатые кони...,

Вдруг я остался один.

и ассоциируется с миром мечты, идеальными образами Любви и Красоты, гуманистической верой в человека.

В стихотворении «Прощание с Коктебелем» [1, с.191], где автор выражает надежду на то, что вновь увидит «этот край, это море, эти горы, эту бухту –этот рай», это прощание с поэтами-современниками («Вот разъедутся поэты...»). Но останется в памяти природа Крыма и поэт М. Волошин:

И навечно профиль Макса

врезан в склон крутой горы.

Для Алешкова, как и для многих русских поэтов, Коктебель неразрывно связан с *Максимилианом Волошиным* (Максом, как звали его близкие и друзья).

В стихотворении «Спор» эпиграф «Да, велика моя вина, но велика и мука...» (*Белла Ахмадулина*) делится на две официальные модели антропонимов *Белла Ахмадулина* (имя + фамилия) и *Белла Ахатова* (имя + отчество). Вторая модель использована в позиции обращения и выполняет номинативную функцию [5, с. 73]. Автор, обращаясь к поэтессе, утверждает:

*...да, велика моя мука,
но велика и вина* [1, с. 268].

Антропонимы *Григорий Поженян* и *Поженян* в стихотворении «Я просыпаюсь не слишком рано...», [1, с. 84] создают общее представление о носителе имени и оказывают эмоционально-стилистическое воздействие на читателя как звучанием, так смысловой загруженностью:

*Я (да простит Поженян)
павших поэтов считаю храбрее,
видно, их перья были острее...
и
Тех, что погибли, считаю храбрее,
может, осколки их были острее...*

Григорий Поженян

Первый антропоним **Поженян** выполняет своеобразную креативную (рифмообразующую) функцию: Поженян – Руслан [5, с. 84].

Стихотворение «Поколение» [1, с. 257] – о сверстниках Алешкова, которые «Не зная броду, лезли в воду и оказались не у дел» и которые «в кругу проверенных друзей... Окуджаву хором пели». Антропоним **Окуджава** употребляется в сочетании с глаголом «пели», образует метафору и подразумевает авторские песни, звучавшие нравственным камертоном в эпоху застоя сквозь романтически преображённые картины будничной жизни.

Антропоним *ТрEDIAAKOBCKИЙ* вынесен непосредственно в заглавие стихотворения «ТрEDIAAKOBCKИЙ» [1, с. 65] и отражает восприятие Алешковым личности и творчества великого русского поэта (1703-68), филолога, переводчика, академика Петербургской АН, сформулировавшего принципы русского силлабо-тонического стихосложения и положившего начало реформе русского стихосложения, продолженной затем Ломоносовым.

В тексте не упоминается имя ТрEDIAAKOBCKOГО, но его «перо в руке», «душа горит», «жив талант» подлинности словесности российской».

Фамильным антропонимом *ГЕРЦЕН* в стихотворении «Привет, Москва!» [1, с. 228] Алешков передаёт своё отношение к современной Москве:

*Звонарь лихой, со смутным сердцем
пером ударивший в набат,
из-за ограды смотрит ГЕРЦЕН,
как будто в чём-то виноват.*

ГЕРЦЕН (памятник Герцену в Москве) – «Звонарь», обличавший самодержавие, разработавший теорию «русского социализма».

Имена собственные *Андрей Вознесенский* («Скорость», 18), *Анна Ахматова* («Город был занесён порыжелыми листьями», 37), *Александр Блок* («Когда поёте Вы...», 185), *Игорь Северянин* («Вечернею порой...», 185), *Александр Твардовский* («Отец», 273), *Герман Гессе* («Я тоскую по смерти...», 236), *Поль Элюар* («Над песчаной отмелью прибрежной...», 238), *Михаил Лермонтов* («Наедине с тобою, брат», 204) употребляются в эпитафиях и свидетельствуют о классической литературной ориентации Алешкова.

2. Имена татарских поэтов и поэтов-современников.

В автобиографии, написанной к сборнику, Алешков пишет: «КамАЗ собрал на моей родине много замечательного народу, в том числе начинающих поэтов и прозаиков, которые организовали в 1971 году литературное объединение «Орфей». В «Орфее» моими друзьями стали *Валерий Суров*, *Руслан Галимов*, *Георгий Сушко*, *Евгений Кувайцев*, *Иван и Павел Юлаевы*, *Инна*

Лимонова, Владимир Гофман, Юрий Кучумов. Ныне «иных уж нет, а те-далече». Многим из них Алешков посвятил свои стихи. Так в стихотворении «Стихи о самом себе» [1, с. 83] он пишет:

*Друзья мои! Ещё теснее круг
над скорбью поминального стакана!
Я шарю в пустоте, не встретив рук
ни Жорки, ни Валерки, ни Руслана...*

Использование антропонимов **Жорки, Валерки, Руслана** являются формой близкого, дружеского обращения к памяти о **Сурове, Руслане Галимове** и **Георгии Сушко**. При обращении к содержанию другого стихотворения «Я просыпаюсь не слишком рано...», мы чувствуем, как оно проникнуто болью о преждевременной смерти друзей:

*От пневмонии умер **Георгий**,
от белокровья **Руслан**.*

Личные имена в этих стихотворениях автор употребляет в официальной (**Георгий, Руслан**) и неофициальной (**Жорка, Валерка**) формах. В реальной жизни так многие называют своих друзей:

*Вдруг вспоминаю **Жорку, Руслана** –
лучших своих друзей.*

В сборнике мы встречаем *поэтов-современников*. Это **Николай Беляев**, казанский поэт, **Н.Лёвушкин**, (нижекамский поэт), **Николай Перовский** (орловский поэт, ушедший из жизни в 2007 году), **Лилия Газизова** (автор четырёх стихотворных книг, лауреат литературной премии имени Г. Р. Державина (2003). Руководитель секции русской литературы и художественного перевода Союза писателей Татарстана) и др.

Хасан Туфан.

Трагическая судьба татарского поэта **Хасана Туфана** нашла отражение в «Балладе о любви» [1, с. 140] («Памяти выдающегося татарского поэта Хасана Туфана и его жены, актрисы Луизы Салиоскаровой»):

*И нет Туфана рядом.
И горько понимать,
Что он в тюрьму упрятан
Как неумевший лгать...
Как трудно жить в Казани –
Туфана рядом нет...
Пропал в Сибири – где-то
её Туфана след.*

Каждая глава поэмы начинается со слов:

*«Жена ждала поэта
пятнадцать долгих лет».*

Поэт – Туфан, жена – Луиза Салиоскарова, она же «донор бескорыстный» («Ей денег не хватало – она сдавала кровь. Сильней и крепче стала в беде её любовь»). Всем татарстанцам известна эта трагическая история, известная актриса-красавица Луиза, «продлившая жизнь ему своей кровью», умерла, так и не дождавшись своего мужа из Сибири. Так, в строках Н.Алешкова гармонично переплетаются трагические отзвуки строк великого татарского поэта Х.Туфана (слова из его стихотворений о Луизе) в современной «алешковской» оранжировке.

«Баллада о роднике» [1, с. 145] посвящена *«Памяти писателя Эдуарда Касимова»*. В тексте не упоминается имя, автор заменяет его местоимением «он» («Он умер по дороге к роднику»), «писатель» («Писатель не был баловнем судьбы»), что вполне закономерно в поэтическом тексте.

Стихотворение «А в древнем городе Казани...»[1, с. 261] посвящено Лилии Газизовой. В тексте поэтесса – «княжна», «татарская княжна»:

*А в древнем городе Казани,
как птица певчая нежна,
с печально-карими глазами
живёт татарская княжна.*

Имя собственное *Лилия* звучит в тексте:

*Но имя - Лилия - открыто
деревьям, птицам и цветам.*

В данном контексте подчёркивается значение имени (цветок), его благозвучие (повтор согласного *л* в имени, повторяющиеся гласные, создающие гармоничный звукоряд). Собственные имена, как известно, – это вторичные знаки, созданные на базе первичных знаков, нарицательных имён, и использование таких в смысловом плане мотивированных имен делает тексты поэта весомыми и значимыми. Образ татарской княжны, печальной красавицы Сююмбике, невольно предстает перед глазами читателя, хотя современная татарская поэтесса Лилия и древняя татарская царица – совершенные разные личности как в истории, так и во времени-пространстве, но благодаря интертекстуальным элементам, например, таким словосочетаниям, как «древний город Казань», «татарская княжна», «с печально-карими глазами» и т.д.

3. Древние мифологические и фольклорные имена. Весьма примечательным фактом является также своеобразная тяга-пристрастие Н.Алешкова к именам из древних мифов. Обожествляя окружающие предметы или создавая в воображении божеств, управляющих судьбами людей и покровительствующих человеческим действиям или отдельным социальным группам, как известно, древние люди наделили своим индивидуальным именем каждое божество. Поскольку главной темой творчества Н.П.Алешкова выступает именно тема любви, то весьма обоснованно его обращения к *Афродите*-богине красоты и любви, включавшейся в число двенадцати олимпийских богов, любовной власти которой подчинялись боги и люди:

*Нам, конечно хватит прыти –
Афродита, позови! –
Со скалы отвесной прыгнуть
В бухту светлую любви.*

«С любовью и нежностью», [3, с.156]

В своих произведениях Н.П.Алешков использует такой стилистический прием, как *аллюзия*, в основе которой лежит образное или логическое сравнение, ирония, метафора, метонимия и д.

Многие ученые считают аллюзию одной из форм *интертекстуальности*, следовательно, аллюзивный антропоним – интертекстуальный знак, посредством которого имеющийся текст вступает во взаимодействие с другой информационной реальностью и оказывается вписанным в процесс культурной эволюции. Аллюзия не предполагает указания автора и источника, а лишь осуществляет отсылку к историко-культурной информации.

Рассмотрим пример аллюзивного процесса с участием антропонима. В одном из стихотворений есть слова:

*Бродим, как побитые Мамаем,
Мы друг к другу в гости – тяжкий труд!*

«Свет небесный» [2, с.66]

Имя *Мамай*, связанное с закрепленным в мировой традиции образом завоевателя, указывает на наличие в тексте аллюзии. Имя актуализирует свой ассоциативный потенциал, связанный с прецедентным текстом. Мамай — один из основных героев народных преданий, входящих в эпический цикл «Сорок богатырей». Стремясь возродить могущество Золотой Орды, предпринял ряд походов в русские земли, а в 1378-м Мамай сжег Нижний Новгород. При этом он не раз врвался на территорию Рязанского княжества, опустошая его. Эти разнообразные ассоциации, возникающие в сознании читателя при упоминании слова *Мамай*, составляют номинативное значение аллюзивного антропонима. Много веков прошло с тех пор, но мы, русский народ, до сих пор ходим «побитые Мамаем», так и не найдя своего места и своего настоящего статуса в мировой истории, будто хочет сказать поэт Алешков.

Далее в том же сборнике мы находим упоминание о *Данае*, матери Персея, изображенной на полотне Рембрандта.

Всем Данаюшкам местным

Братский шлю я привет.

«Свет небесный» [2, с.66]

В юности *Даная* была заточена отцом в темницу, в которую в виде золотого дождя проник Зевс, так как ничто не может устоять перед всепобеждающей силой любви. Внешность Данаи далека от совершенной красоты. Но и Рембрандт, и Н.П.Алешков ценят женственность в ее зрелости, естественности движений и чувств, исполненных любви и грации. Выражению трепетного и уважительного отношения автора к женщине вообще способствует и использование гипокористики, выраженной посредством суффикса субъективной оценки - *юшк*-.

Здесь же мы находим и упоминаемое в Библии имя семитского божества *Молоха*, которому поклонялись принесением детей в жертву через всеожжение:

Не было евреев в наших селах,

Но хватало русских и татар.

Сколько их сожрал гигантский Молох –

Знает лишь народный комиссар.

«Свет небесный» [2, с. 46]

Именно так, выходя за пределы официального употребления и переходя в бытовые контексты, имена собственные обретают широкую гамму субъективно-оценочных отношений:

Но пляжным Клеопатре и Тамаре

Не разгадать загадки Таиах.

«С любовью и нежностью» [3, с.146]

Клеопатра – одна из легендарных женщин мира, владевшая редчайшим искусством очаровывать людей, обладавшая красотой, страстностью, умом и использовавшая свои таланты на поприще любви; царица *Тамара*, восхваляемая своими современниками за ум и чарующую красоту, в некотором роде

противопоставляются автором безмолвной и величественной *Таиах*, хранящей, кажется, ответы на многие загадки Вселенной, а изображение которой передает психею, человеческую душу... Подобным образом земное противопоставляется божественному, так как именно Таиах родила Эхнатона (в переводе «Угодный Солнцу»). Солярные мифы в художественной и поэтической символике сохранились до наших дней. Антропософы считают Христа солнечным богом, соединившегося при крещении с человеком Иисусом. Тема Христа и Божественного начала является одной из главных и красной нитью проходит сквозь каждое произведение поэта. В другом произведении поэт снова обращается к антропониму *Клеопатра*, воспевая отражение «плотского рая» в глазах возлюбленной:

*О, Клеопатра! Жизнь за ночь отдам!
Как взглядом этих глаз не облучаться?
«Свет небесный» [2, с.107]*

Так как все вышеупомянутые антропонимы достаточно широко известны, установление ассоциативной связи аллюзивного имени с прецедентным текстом не представляет для читателя никакого труда. Слова-стимулы *Мамай*, *Даная*, *Молох*, *Клеопатра*, *Тамара*, *Таиах* вызывают в сознании ряд ассоциатов. Эти отношения можно представить в виде вертикального вектора связей между аллюзивным антропонимом в имеющемся тексте и прецедентным текстом. Процесс актуализации связи знака и его первичного денотата носит метонимический характер.

У Николая Алешкова, православного поэта, в его поэтическом мире также особое место занимают имена из Библии и фольклора. Категория одушевлённости/неодушевлённости в мифологии и фольклоре не имеет чётких границ, и многие совершенно безжизненные предметы (или вообще не предметы) получают антропоморфные черты, т.е. их наделяют способностью думать, говорить или действовать подобно человеку. Так, Ад, по Евангелию от

Никодима, обладает способностью приходить в отчаяние, сторожить [5, с. 185].

У Н.П.Алешкова мы также видим:

*Содом изрыгает проклятья,
Но смотрит с надеждою Спас.*

«Свет небесный» [2, с. 43]

Содом – древний город, гибель которого упоминается в Священном Писании, как грозный урок всем проводящим нечестивую жизнь.

Список библейских антропонимов продолжают имена *Адама и Евы*, а также *Змея-искусителя*, как представителей бинарной оппозиции понятий *ад* и *рай*. Столкновение этих слов создает ситуацию выбора, распутья в сочетании с ожиданием неизбежного и сожалением об утраченном:

*Змей, посланец Ада, как лиана
Скользкий свой прокладывает путь.*

*Нет греха. Природа первозданна,
и до сотворения Адама*

остаётся времени чуть-чуть...

«Свет небесный» [2, с. 95]

Была благодатью согрета

Жизнь тварей земных на века,

Пока не коснулась запрета

Праматери Евы рука.

«С любовью и нежностью» [3, с. 83]

Выразительная языковая ткань произведений Н.П.Алешкова наполнена также образами-антропонимами, созданными на основе фольклора.

Гордость и осознание своей причастности к этой могучей русской силе сменяется щемящим чувством горечи, когда национальный герой превращается в «существо, лишённое корней», а широта и богатство русской души тесно переплетается с опустошенностью и неприкаянностью:

На какой-нибудь ударной стройке

*Загляни, поэт, в любой барак:
Перегар процеживая стойкий,
Спит он, твой герой, **Иван-дурак.**
Спят **Илья, Добрыня и Алёша**
Рядом у холодных батарей,
Позабыв о прошлом. Что за ноша
Подкосила трех богатырей?
«Сын Петра и Мариши» [1, с.114]*

В данном примере, кричащем, как оголенный нерв, как натянутая струна, мы также имеем дело с аллюзивными антропонимами. Читатель невольно вспоминает русские народные сказки о величии богатырей, сопоставляя русского батыра с сегодняшним Иваном, спящим у батареи.

Поэтика Н.П.Алешкова проста и естественна, но при этом отличается плотностью и афористичностью, органично сочетая философские размышления и живую речь с включением элементов пословиц и поговорок:

*Водка снимет стресс? Мели, **Емеля...**
Господи, помилуй и спаси!
Брат мой пьёт – я мучаюсь с похмелья.
Всякое бывает на Руси.
«Свет небесный» [2, с. 65]*

Далее в качестве собирательного образа, яркого представителя русского народа Н.П.Алешков использует антропоним *Иван*:

*После третьего стакана
Обнаружим полупьяно,
Что у русского **Ивана**
Украинская жена.
«С любовью и нежностью» [3, с.169]*

А в следующих строках – отчаянный призыв и надежда:

Помолюсь за него как за брата –

*Говорят, что спасенье в Христе.
Встань, **Иван**, прогони супостата,
Где дозор на засечной версте?
Прочь с дороги! Мы русские люди,
Как никто об утратах скорбим,
Мы по-прежнему Родину любим,
Хоть не каждый ответно любим...*

«Сын Петра и Мариши» [1, с.227]

Проведенный нами анализ показал, что антропонимы в текстах стихотворений Н.П.Алешкова весьма разнообразны. Реальные и нереальные собственные имена органично вливаются в систему языковых средств, создают общую интертекстуальную образность произведений. Все это говорит о широком круге интересов, высокой степени эрудиции автора, масштабности философского мирозерцания. Интертекст в поэтическом творчестве Николая Алешкова служит дополнительной степенью свободы для восприятия художественной мысли автора. Чуткий читатель может угадать посредством тонких или прямых намеков те пути, по которым намерен провести автор своего слушателя. Поэту удастся так гармонично вживить интертекстуальные отсылки в полотно собственных строк, что они не всегда бросаются в глаза, но при их обнаружении глубже осмысляешь красоту художественного замысла. Так, поле стихов Н.Алешкова превращается в типично русский очаг интертекстуальности.

Русская и мировая литературная традиция, в том числе и фольклорная, присутствует в его поэзии на уровне сюжетно-композиционных сближений, явных или скрытых цитат, реминисценций, аллюзий, сознательных стилизаций и вариаций, ритмических переключек и других форм интертекстуальности. Особое место в этом перечне занимает имя собственное как поэтоним.

В своих стихах Н.П.Алешков предстаёт перед нами истинным патриотом, сыном своей Родины, и мы видим пронзительное сострадание и сочувствие всему живому на земле. Одна из главных тем – тема любви, демонстрирует

предельную откровенность автора, тем самым покоряя его своей искренностью и простотой. Верность лучшим традициям русской и зарубежной литературы Н.П.Алешков сочетает с оригинальностью и неповторимостью; поэт обладает даром блистательного юмора, лёгкой и мудрой иронии, остроумия, что является прежде всего признаком его незаурядного ума.

Анализ механизма переосмысления элементов текста, собственных личных имен, используемых в качестве контекстных объединителей, позволяет сделать вывод, что внутренний язык является своего рода транслятором, обеспечивающим совместимость индивидуальных систем знаний поэта и читателя. Такая совместимость осуществляется на уровне осмысления элементов “чужой” речи, которые как бы приравниваются к собственному опыту как поэта, так и потенциального читателя. Выбирая определенный ономастический материал, в данном случае, известный всем, для построения своих текстов, поэт тем самым воплощает собственную ономастическую картину мира. Каждый известный читателю (филологически подготовленному) антропоним, занимая свое особое место, создает целостное восприятие поэтического пространства Николая Алешкова. Это глубоко национальный русский поэт, включенный в общемировой историко-культурологический континуум, это поэт, в творчестве которого Имя является одним из самых значимых элементов в организации художественного текста. Как справедливо указывает проф. Д.А. Салимова, такие «лучистые» имена «способны проливать свет и в историю, и в литературное краеведение, и в языковую картину мира, и несомненно – в поэтическую ономастику» [4, с. 287].

Список литературы

1. Алешков Н.П. Сын Петра и Мариши. Избранное. Казань, 2005. 287 с.
2. Алешков Н.П. Свет небесный. Москва, 2007. 127 с.
3. Алешков Н.П. С любовью и нежностью. Казань, 2010. 175 с.

4. Салимова Д.А. Елабужские топонимы как поэтонимы в рассказах С.Т.Романовского // Ономастика Поволжья: Материалы XI Международной научной конференции (Йошкар-Ола, 16-18 сентября 2008 года). Йошкар-Ола, 2008. С. 283-288.

5. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973. 367 с.

References

1. Aleshkov N.P. *Syn Petra i Marishi. Izbrannoe* [The son of Peter and Marisha. The selected works]. Kazan, 2005. 287 p.

2. Aleshkov N.P. *Svet nebesnyj* [Heaven's light]. Moscow, 2007. 127 p.

3. Aleshkov N.P. *S ljubov'ju i nezhnost'ju* [With love and tenderness]. Kazan, 2010. 175 p.

4. Salimova D.A. *Onomastika Povolzhja: Materialy XI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Joshkar-Ola, 16-18 sentjabrja 2008 goda)* [Onomastics Volga: Articles XI International Conference (Yoshkar-Ola, 16-18 September 2008)]. Joshkar-Ola, 2008. pp. 283-288.

5. Superanskaja A.V. *Obshhaja teorija imeni sobstvennogo* [The general theory of the proper name]. M, 1973. 367 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Салимова Дания Абузаровна, доктор филологических наук, профессор, член-корр. РАН, зав. кафедрой русского языка и контрастивного языкознания
*Казанский (Приволжский) федеральный университет, филиал в г. Елабуга
просп. Сююмбике, 10а, г. Набережные Челны, Республика Татарстан, 423812,
Россия*

daniya.salimova@mail.ru

Павлова Виктория Геннадьевна, аспирант 1-го курса обучения

Казанский (Приволжский) федеральный университет, филиал в г. Елабуга

*просп. Сююмбике, 10а, г. Набережные Челны, Республика Татарстан, 423812,
Россия*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Salimova Daniya Abuzarovna, head of Russian language department, Doctor of philological science, professor

Elabuga Branch of Kazan (Volga Region) Federal University

10a, prosp. Syuyumbike, Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, 423812, Russia

daniya.salimova@mail.ru

Pavlova Viktoriya Gennadyevna, graduate student

Elabuga Branch of Kazan (Volga Region) Federal University

10a, prosp. Syuyumbike, Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, 423812, Russia

Рецензент:

Бубекова Лариса Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета русской филологии и журналистики филиала К (П)ФУ в г. Елабуга